

Воспоминания об отце

Родного отца я не знала — он погиб за несколько месяцев до моего рождения в бою под Кронштадтом, мобилизованный, как делегат X съезда партии, на подавление Кронштадтского мятежа. В 1925 году, когда мне было четыре года, мать вторично вышла замуж — за Николая Федоровича Гикало, и он стал мне отцом и другом. Мы жили тогда в Ростове-на-Дону. Николай Федорович заведовал отделом культуры и пропаганды Северокавказского крайкома партии. Первым секретарем крайкома был Анастас Иванович Микоян.

Помню, как впервые я пришла с мамой в большую гикаловскую квартиру. Жил он вместе со своими братьями. Все они были страстными охотниками, поэтому в доме было две или три охотничьи собаки.

Комната Николая Федоровича произвела на меня, тогда еще маленькую девочку, какое-то романтическое впечатление: обстановка скромная, на стене висел настоящий персидский ковер, а на нем — охотничьи ружья, шашка в синих ножнах с позолотой, на полу — шкура леопарда. У дверей на гвозде висела папаха и лохматая черная бурка. Только потом мне стало понятно, что облик Николая Федоровича и обстановка, окружавшая его, были романтикой только что отшумевшей гражданской войны.

Николай Федорович тогда носил темные очки — он испортил глаза от блеска снегов на горных вершинах. Несколько лет провел он в горах Кавказа, где командовал партизанским отрядом, действовавшим в тылу Деникина.

Впоследствии С. М. Буденный писал в своих мемуарах, что о действиях гикаловского отряда до них доходили рассказы, похожие на легенды. Партизаны-чечен-

цы не забывали своего командира, и, в каком бы городе мы ни жили потом, часто посещали нас статные гости в черных бурках и папахах. Они приезжали к Гикало за советом и помощью. Память о нем сохранилась до сих пор и в чеченском фольклоре. Нам рассказывали о песне, в которой девушка поет юноше: «Я хочу, чтобы ты был таким же храбрым, как Гикало; я хочу, чтобы ты любил свой народ, как любил его Гикало».

Вскоре мы уехали в Москву. Николай Федорович учился там в Коммунистической академии. Учился настойчиво, увлеченно, просиживал за книгами до глубокой ночи. После учебы его послали на партийную работу в Ташкент, затем в Баку и снова в Москву. В Москве он был одним из секретарей горкома, часто ездил на заводы и фабрики. Однажды побывал в научно-исследовательском институте, где изучали синтетический каучук, и... увлекся химией. В доме появились колбы, пробирки с реактивами. Из ванной, где он проводил опыты, распространялся едкий дым: Николай Федорович синтезировал какое-то производное бензола.

В 1932 году Н. Ф. Гикало стал первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии. Мы переехали в Минск. Жили тогда во втором Доме Советов, на углу ул. Ленинской и Карла Маркса. Дом этот сохранился и сейчас. Работал Николай Федорович очень много и работал с увлечением, с огоньком. Дома у нас не велось праздных разговоров: он рассказывал о стройках — а тогда в стройках была вся Белоруссия, радовался успехам посевной или уборочной, с восхищением говорил о том, какие люди вырастают, какие талантливые руководители предприятий есть у нас, какие машины делают на белорусских заводах. С огромным уважением говорил он всегда о рабочих, часто встречался с рабочими заводов и фабрик и всегда, с кем бы ни встречался, расспрашивал, как живется, работаете, что им мешает. А как рад и горд он был, когда Белоруссия за успехи в социалистическом строительстве получила орден Ленина.

Не был праздным Николай Федорович и в часы отдыха. Дома у нас стоял верстак, был полный набор столярного и слесарного инструмента. Мастерил он искусно и терпеливо, никогда и ничего не делал кое-как. Если нужно — сделает табуретку, приладит дверцу к шкафу, сделает ключ. Но любимым занятием его было уехать в выходной день, если дела позволяли, на охоту или рыбную ловлю.

Он очень много читал, горячо обсуждал прочитанные книги. Помню, как читал мне вслух «Эгмонта» Гете и старался, чтобы и я прониклась красотой и торжественностью звучных стихов. Вслух читал часто, очень выразительно.

Часто встречался Николай Федорович с деятелями белорусской культуры. Помню, как мы ездили в гости к Янке Купале и прожили у него на даче два дня. Во время прогулок, за столом велась живая беседа о белорусской литературе, интересная и полезная, как мне казалось, для «обеих сторон».

3 поўным тэкстам дакумента можна азнаёміцца ў
бібліятэцы